

Марианна Твардовская

12+

Марианна Твардовская
Королевство Тишины

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Твардовская М.

Королевство Тишины / М. Твардовская — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Он - бродячий музыкант, влюблённый в одиночество и свою скрипку. Она - деревенская девушка, случайно встретившаяся ему на пути. Куда приведёт их дорога, по которой они пойдут вдвоём? Какие тайны откроются им? И есть ли на свете сила сильнее любви? Следуй за ними, иди без страха через леса, поля и холмы, и ты узнаешь ответ!

Содержание

Часть 1	6
Мари	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
ЧАСТЬ 2	26
Лин	26
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марианна Твардовская

Королевство Тишины

Посвящается моим любимым музыкантам

Марте и Алексею Орловым

и Алексею Горшкову

Часть 1

Мари

Любви моей ты боялся зря.
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою...
(Н. Матвеева)

Глава 1

Сознание возвращалось постепенно. Сначала слух уловил тихий шелест листвы и пение птиц. Под веки проникли непрерывно танцующие лучи солнца, Лин открыл глаза и сквозь муть увидел кроны деревьев, сомкнувшиеся над ним. Потом пришла боль. И лишь чуть позже – память...

– Черт, как же больно!

Лин снова попытался встать на ноги и не смог. Болело, кажется, всё, что только могло болеть. Вчера поздно вечером на него напали. Шайка разбойников подстерегла его, когда он уже подходил к деревне, где собирался переночевать и узнать дорогу. Спасаясь от внезапно постигшего Северное Королевство наводнения, он сбился с пути и теперь не знал, где находится. Его схватили, но поживиться оказалось нечем: у бродячего музыканта с собой была только скрипка, да несколько мелких монет, оставшихся от позавчерашнего подаяния. Из-за этого бандиты ещё больше разъярились. Били его, даже не сопротивлявшегося, жестоко, а вдоволь поглумившись, дважды ударили ножом. Посчитав, что с бродягой всё кончено, его бросили в лесу умирать. Но Лину неожиданно повезло: удар в грудь прошёл вскользь. Зато рана на бедре была очень глубокой и нехорошей.

Вцепившись в ствол дерева, он снова попытался встать. Наконец, это ему удалось и, преодолевая боль, он побрел к кустам, где лежал брошенный чехол от его скрипки. Инструмент лихие люди не тронули, и это его удивило. Закинув мешок на плечо, музыкант осмотрелся. Лес был негустой, светлый, под ногами то и дело попадались обобранные ягодные кустики, а значит, где-то неподалёку жили люди. Ему оставалось найти дорогу, ведущую к деревне.

Держась за стволы деревьев, Лин медленно ступал по мягкому мху. Каждый шаг отдавался болью, во рту пересохло, голова кружилась. Сделав ещё несколько шагов, он измученно опустился на землю между корней большого дерева. Пот заливал глаза, одежда промокла от крови.

– Нужно идти, – уговаривал он себя. – Здесь ты умрёшь. Нужно выйти к людям. Там помогут. Иди!

Он снова встал и сделал ещё несколько шагов. Ещё несколько. И упал, совершенно обессиленный. Чуть отлежавшись, сел, попытался снова подняться, и опять со стоном упал.

– Вот ещё не хватало снова потерять сознание и сдохнуть тут, – мелькнула мысль. Он сел, прислонившись к стволу, и коснулся раны на бедре. Под пальцами выступила темная кровь.

Оторвав полосу от подола рубахи, он кое-как перевязал рану. Остаться в лесу ещё на одну ночь означало верную смерть.

Некоторое время он сидел неподвижно, собираясь с силами. Из полузабытья его вывел непривычный звук, вторгшийся в хрупкую тишину леса. Звук приближался. Он был похож на человеческий голос, как будто бы кто-то плакал, или пел. Потом он стих, и Лину начало казаться, что у него просто звенит в ушах. Но звук возобновился, и вскоре стало ясно, что это тихое пение. Лин замер, изо всех сил вслушиваясь в голос. Кто-то совсем рядом пел очень грустную песню.

Музыкант приподнялся, высматривая обладателя голоса, и увидел между деревьев девочку лет четырнадцати, худенькую и невысокую. Она шла по тропинке, до которой Лин не добрался всего чуть-чуть, размахивала длинной веткой и тихо напевала что-то. Когда она поравнялась с ним, он окликнул её:

– Эй, девочка!

Она вздрогнула и отпрянула в сторону. Лин испугался, что она убежит.

– Постой, – торопливо сказал он. – Не уходи, я ничего плохого тебе не сделаю! Я ранен и мне нужна помощь.

Она подошла ближе, всмотрелась в его лицо и тихо охнула. Лин понял, что выглядит не лучшим образом.

– Мне нужно добраться до какого-нибудь жилья. Здесь близко?

– Да, – с готовностью ответила девочка. – Наш дом недалеко. Мы живём на хуторе, на опушке леса, вон там, – она махнула рукой в ту сторону, откуда пришла.

– Ты можешь проводить меня туда?

– Конечно, – отозвалась она. – Пойдёмте!

Лин немного приободрился от мысли, что скоро окажется рядом с людьми, довольно резво встал и поковылял по тропе, но с каждым шагом идти становилось всё тяжелее. Он остановился отдохнуть у дерева, обливаясь потом. Сделал ещё несколько шагов и уцепился за следующее дерево, чтобы не упасть. Ещё несколько шагов, и он обессиленно сполз по стволу на землю. Девочка смотрела на него с ужасом.

– У вас на хуторе взрослые есть? Ну, отец твой, кто-нибудь ещё? – задыхаясь спросил он.

– Нет, отец умер давно. Мама с братьями в поле, далеко.

Лин застонал от отчаяния. Отправить девчонку за помощью? А вдруг испугается и не вернётся? Или ей не поверят? Раны продолжали кровоточить, ему срочно нужна была перевязка.

– Давайте, я вам помогу! – тоненькая девочка оказалась совсем рядом. Она протянула ему руку, он ухватился за неё, собрал последние силы и поднялся.

– Обопритесь на меня, вот так, – нежный голосок её звенел как колокольчик. – Не бойтесь, я сильная!

Девочка обняла его за пояс одной рукой, второй поддерживала его спереди, сквозь её пальцы сочилась его кровь, но она, казалось, этого не замечала. Лин сделал несколько шагов и закричал зубами от боли. Она с жалостью смотрела на него снизу вверх. Передышка, ещё

несколько шагов. Он не знал, сколько минут или часов они шли: несколько шагов передышка, снова несколько шагов... Сердце бешено билось, в глазах мелькали цветные круги. Когда вдали показались дома, у него даже не было сил радоваться. Шаг, ещё шаг...

Стиснув зубы, он продолжал идти, и опирался на неё все тяжелее, пока не заметил, что она и сама идёт уже из последних сил. Как добрались до крыльца, он уже не помнил, и, опустившись на ступеньки, потерял сознание.

Глава 2

Лин очнулся сидя на крыльце. Девочка обтирала его лицо холодной водой.

– Пить, – хрипло попросил он. Она тут же подала ему глиняную кружку. Холодная, чистая вода привела его в чувство. Он взглянул на девочку и увидел, что она плачет.

– Ты что? – одними губами произнес Лин.

– Я думала, что вы умерли, – всхлипнула она, вытирая слёзы.

– Поживу ещё, – музыкант криво улыбнулся.

Она встала, и Лин с удивлением заметил, что девочка, вначале показавшаяся ему подростком, уже вполне себе девушка, с оформившейся фигурой, просто очень маленькая и худенькая.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Шестнадцать. А вам?

– А мне двадцать один. Называй меня на «ты», хорошо? И как тебя зовут?

– Мари.

– А меня – Лин. Ох, мой инструмент...

Про скрипку он совсем забыл, и только сейчас с ужасом вспомнил, что оставил её там, где встретился с девочкой.

– Инструмент? – удивилась Мари. – Ты мастер?

– Нет, я музыкант.

– Музыкант? – она с ужасом уставилась на него. – Но тебя же арестуют!

– С чего вдруг? – удивлённо спросил Лин.

– Разве ты не знаешь, что в нашем королевстве запрещена музыка? Всех, у кого находят музыкальные инструменты – сажают в тюрьму, а тех, кто ещё и играет на них – казнят!

– Что за бред? Подожди-ка, а что это за королевство?

– Сангэр. Ты что, не знаешь, где ты?

– Сангэр? Королевство Тишины? Черт возьми, теперь мне понятно, почему разбойники не взяли мой инструмент, – с досадой проговорил Лин. – Но как я сюда попал, ведь границы Сангэра строго охраняются?

– Не везде. Этот лес считается непроходимым, и его не охраняют, тем более в нём живут разбойники.

– С разбойниками я уже познакомился. Вот чёрт! Как же мне теперь выбраться отсюда?

Мари пожала плечами.

– Мама скоро вернётся, может быть, она что-нибудь придумает.

Лин помолчал, обдумывая своё незавидное положение. Потом снова вспомнил про инструмент.

– Мари, моя скрипка осталась в лесу, ты можешь найти её и спрятать?

– Да, конечно, я пойду прямо сейчас, пока не стемнело! – девочка спрыгнула с крыльца.

– Нет, не уходи, пожалуйста!

Мари в недоумении остановилась. Лин и сам не понял, как у него вырвались эти слова. Ему вдруг стало страшно оставаться одному. Пока она была рядом, он отвлекался от боли, тошноты, головокружения. Очень не хотелось, чтобы она уходила.

– Принеси ещё воды, – с вымученной улыбкой сказал он.

Она исчезла в доме и вернулась с полной кружкой.

Лин пил мелкими глотками и внимательно рассматривал Мари. Лицо её было совсем детским, как и голос. Длинные тёмные волосы вились крупными кудрями. На лице – россыпь веснушек. Глаза – синие-синие, он засмотрелся в них. Она смущённо отвела взгляд и вдруг вскочила:

– Мама возвращается! Я слышу, они уже рядом!

Вскоре из-за поворота показалась телега, запряженная двумя лошадьми. Лин выпрямился, собираясь встать.

– Только не вставай, прошу тебя, не вставай! – Мари встревоженно склонилась к нему, не позволяя подняться. – Жди здесь!

Она бросилась навстречу матери и начала ей что-то объяснять, бурно жестикулируя. Женщина как-то привычно отмахнулась от неё и направилась к крыльцу.

Вид у хозяйки был довольно грозный, но к раненому она отнеслась милостиво. Братья Мари, два дюжих парня чуть младше самого Лина, помогли ему пройти в дом, уложили на лежанку. Мать громким голосом дала распоряжения по дому и занялась им. Мари забежала на секунду, прошептала:

– Я принесу твою скрипку и спрячу, – и убежала вновь.

Откуда-то прибежали ещё две девочки лет семи и девяти. Они с интересом взглянули на неожиданного гостя и убежали по своим, девчоночьим делам. Хозяйка обмыла и перевязала его раны, дала немного вина разбавленного водой, принесла старую одежду одного из сыновей взамен разодранной и окровавленной. Лин поблагодарил её, переоделся, лег и тут же уснул.

Наутро Лин почувствовал себя чуть лучше, даже решился встать, но тут же пожалел об этом. Голова кружилась, раны болели, нога распухла. Мари тревожно поглядывала на него, и он в ответ вымученно улыбался. Ему хотелось чем-то помочь ей, сбившейся с ног в хлопотах по хозяйству, но каждое движение давалось с трудом. К вечеру ему стало совсем плохо, и не дожидаясь ужина, он ушел в отведенную ему каморку. Ночь была ужасной. Лин не мог спать, страдал от нестерпимой боли, всё тело горело. Когда Мари утром заглянула к нему, он метался в бреду. Девочка в ужасе кинулась за матерью. Хозяйка пришла взглянуть на него, и тут же отправила одного из парней в деревню за знахаркой.

Знахарка, старая бабка с костлявыми руками, осмотрела воспалённые раны и покачала головой. Потом развела какое-то горькое питьё и подала Лину.

– Это притупит боль, – сказала она. – Буду чистить.

И она принялась очищать раны от гноя. Больно было так, что Лин стонал сквозь стиснутые зубы. Мари знахарка сначала пыталась прогнать, но девочка наотрез отказалась уходить. Она сидела рядом с больным и прикладывала к его голове холодную повязку. Когда Лин начал извиваться и стонать, Мари неожиданно обняла его и тихо зашептала на ухо:

– Потерпи, Линушка, родненький, потерпи!

Ему хотелось кричать, вырываться, но она умоляла его потерпеть, и он терпел. В голове мутилось от боли, и её шёпот был единственной ниточкой, за которую он держался.

– Линушка, потерпи! – она гладила его по лицу, меняла повязку на лбу, и тихонько целовала в висок. Наконец врачевательница закончила мучительную операцию, наложила чистую повязку с мазью, и боль стала стихать. Избавленный от страданий, Лин с удивлением и благодарностью смотрел на Мари, которая воодушевлённо суежилась у его постели, и внимательно слушала указания знахарки.

– Завтра зайду, посмотрю, – пообещала старуха и вышла. Лин слышал, как хозяйка торговалась с ней и, наконец, они договорились о расчёте. Музыкант тяжело вздохнул, понимая, что своё лечение он должен будет отработать.

Глава 3

На следующее утро Лин проснулся, чувствуя себя намного лучше. Мари заглянула в его каморку и радостно бросилась к нему:

– Как ты, Лин? Я так боялась за тебя!

– Значительно лучше, – он благодарно улыбнулся ей. Мари застенчиво взглянула на него, и вдруг, как будто что-то вспомнив, вспыхнула и убежала.

С этого дня он пошёл на поправку. Девочка постоянно крутилась рядом с ним. Сделав работу по дому, она прибегала посидеть к нему, кормила, приносила воду. Знахарка ещё несколько раз приходила обрабатывать его раны, и в эти моменты Мари неотлучно была рядом. Как только Лин смог выходить из своего угла, он стал помогать Мари в её многочисленных обязанностях: перебирать яблоки, груши, гнилые – свиньям, получше – на варенье, хорошие – на домашнее вино и сидр; печь хлеб, кормить свиней и кур, мыть посуду. Поначалу он подружился и с её братьями, но вскоре заметил, что они намеренно издеваются над девочкой, назло спихивают на неё самую тяжёлую работу, которая часто была ей не под силу. После такого общаться с ними не хотелось. Да и младшие сестры постоянно ябедничали на Мари, сваливая на неё свои шалости. Редко бывал день, когда ей не попадало за что-то. Мать, не разбираясь, колотила её чем попало, и иначе как паскудой и шлюхой не называла.

– За что вы так её? – спросил однажды Лин, которому было искренне жаль девочку.

– Да она же дурочка, малахольная. Кто её такую замуж возьмёт? Шлюхой и будет. Ни на что не годится. Лучше бы тогда замёрзла она, дура.

Хозяйка махнула рукой, и, в ответ на удивлённый взгляд Лина, продолжила:

– Она ведь подкидыш. У меня тогда парни родились, а потом трое кряду померло, вот мы и решили взять сиротку, вроде как вместо тех. Подкинули её к воротам, зимой дело было. Пожалела... А она вот... С самого начала чудная была. Года два ей было, всё плакала. Потом, как подросла, стала рассказывать, что ей снятся дворцы, где она принцесса, – хозяйка возмущённо хмыкнула. – Нашлась, тоже мне, принцесса. Ни рожи, ни кожи. Шлюхой и будет, да и то никто не позарится. Песни все поёт. Сколько её ни колотишь, всё поет!

Лин вспомнил, как в тот день, когда Мари нашла его в лесу, её пение показалось ему небесным звуком, но благоразумно промолчал.

– Подкидыш, значит, – подумал он. – Потому она и не похожа на своих несимпатичных братьев и сестёр, белокожая, темноволосая... Жаль девчонку.

Лин не замечал одного – чем больше её ругали и унижали, тем нежнее она относилась к нему.

Лето шло на убыль, дни стояли жаркие, сухие. Хозяйка и её сыновья по-прежнему до вечера работали в поле. Лина давно мучила мысль о скрипке, и, как только выдался удобный момент, он попросил Мари принести её. Инструмент был в полном порядке. Мари с удивлением смотрела, как он подкручивает колки и канифолит смычок.

– Я никогда не слышала музыки, – сказала она. – Только пение. Раньше у нас ещё пели. Теперь и это запретили.

Лин коснулся струн смычком и заиграл, надеясь, что здесь, на хуторе, его никто не услышит. Он играл с удовольствием, только сейчас понимая, как соскучился по музыке и свободе. Мари слушала его, почти не дыша. Лин играл разные мелодии, и свои, и где-то подслушанные. Когда он остановился передохнуть, и взглянул на девочку, по её лицу текли слезы.

– Сыграй ещё что-нибудь, пожалуйста! – прошептала она. И он играл ещё долго, а она смеялась и плакала вместе с музыкой.

Когда он закончил, Мари унесла скрипку обратно на чердак, и вернулась к нему, пряча руку за спиной. Лин вопросительно взглянул на неё. Мари смущённо улыбнулась и протянула ему серебряный медальон в виде сердца.

– Это самое ценное, что у меня есть, – сказала она. – Я хочу подарить его тебе. Говорят, что меня нашли с ним. Отец обещал, что когда-нибудь по нему меня узнают мои настоящие родители, но, я думаю, они уже давно умерли. Я хочу чтобы он был у тебя, на память.

– На память? – переспросил он.

– Да, на память. Ты ведь скоро уйдёшь...

И действительно, этот день стал каким-то переломным для Лина. Он затосковал по свободе, и гостеприимный дом начал казаться ему тюрьмой. Раны зажили, и его держала только необходимость отработать лечение. От гнилых яблок и груш его уже тошнило, про свиней и говорить нечего.

– Музыкант я или кто? – думал он, злобно переворачивая лохань с поросёчьим кормом. Даже Мари стала раздражать его тем, что постоянно крутилась рядом с ним. Всеобщее отношение к ней, как к сумасшедшей, не миновало и его.

– Дурочка, да и только, – злился он. – Что ей от меня нужно?

Мать называла её исключительно шлюхой, и угрожала, что убьёт, если та принесёт в поле. Лин только посмеивался. Музыкант никогда не был обделен вниманием девушек, и ни за что не позарился бы на эту девчонку.

А Мари старалась всё время быть рядом, стремилась угодить ему. Даже когда приносила для всех обед в поле – успевала подсунуть именно ему что-то лишнее, повкуснее.

– Как с ребёнком обращается, – негодовал он, хотя втайне радовался её приношениям: хозяйка не слишком сытно кормила своего невольного работника. Отпустить его она обещала по окончании жатвы, и Лин уже считал дни, ещё немного, и ещё...

Как-то вечером они сидели вдвоём у костра, охраняли неубранные снопы. Точнее, охранять должен был Лин, а Мари, как обычно, закончив дела, прибежала к нему. Он переживал крайнюю степень тоски по дальним странствиям и ветру свободы. Она жалась к нему, пыталась заговорить, чем вызывала его неизменное раздражение. Он готов был волком выть, а она лезла со своими глупостями. Она замолкла ненадолго, а потом в звенящей тишине неожиданно сказала:

– Лин... Я люблю тебя!

– Мари... – Лин растерялся. – Ну, нельзя же так! Ты ещё совсем девочка... – Он разозлился на то, что никак не мог подобрать нужные слова. – Нельзя же так – влюбиться в первого встречного!

– Мне уже шестнадцать! Моя мать в это время уже была замужем, – воскликнула Мари.

– Дело не в возрасте. Дело...

– В том, что ты меня не любишь? – её голос дрожал.

– Да. Но нет, подожди... Мари!

Она вскочила, закрыла лицо руками и исчезла в темноте.

Когда до него, наконец, дошло, что значили для неё эти слова, Лин испугался.

– Мари! – снова крикнул он в темноту. – Мари!

Он отошёл от костра на несколько шагов, и вокруг сомкнулась кромешная тьма. Лин ещё несколько раз позвал её, постоял, прислушиваясь к ночной тишине, и вернулся к огню.

– А что я должен был ответить? – утешал он себя. – Я сказал ей правду – я её не люблю. Скоро я уйду, и мы больше никогда не увидимся. Сказать правду – лучше, чем соврать, или, ещё того хуже, воспользоваться её невинностью.

Но на сердце было тяжело, и никакие уговоры не могли успокоить проснувшуюся совесть.

Глава 4

Утром всё было как и вчера. Лина, которого в поле под утро сменил один из парней, разбудил громкий крик хозяйки:

– Мари, Мари! Где эта гадина? Уж я ей задам! – мать крыла страшными проклятиями криворукую дурочку-приемыша.

Лин поднялся с постели и лениво потянулся. За окном был пасмурный, серый день. Хозяйка продолжала шуметь. Лин вошел в комнату, и в тот же момент туда вбежала перепуганная Мари.

– Ах, ты тварь! Ах ты гадина! Ты что же наделала?! Чтобы руки твои поганые отсохли! – продолжала орать хозяйка.

– Да что я такого сделала-то? – Мари была готова зарыдать.

– Что ты сделала? Сама не знаешь?! А вот это кто сделал? – хозяйка ткнула толстым пальцем в какую-то ткань, раскинутую на лавке.

Лин, наконец, увидел причину хозяйкиного гнева. Из её парадного платья на самом видном месте был вырезан квадратный кусок.

– Это не я! – с ужасом пролепетала Мари.

– Не ты? Не ты? Да Лизетт своими глазами видела, как ты это сделала!

– Это сделала не я, а Аннет, чтобы сшить платье кукле!

– Вот значит как! Не ты! И ты ещё будешь наговаривать на маленьких? – хозяйка кинулась на Мари с палкой, та выскочила на крыльцо и бросилась бежать, заливаясь слезами.

– Убирайся и не возвращайся больше, гадина, стерва, убью! – неслось ей вслед.

Лин поморщился. Было понятно, что Мари не виновата, сестрички опять свалили на неё свою шалость. Он вспомнил вчерашнюю ночь у костра, и сердце снова сжалось.

Хозяйка вернулась в комнату.

– Там молоко на столе, хлеб, завтракай, – бросила она ему все ещё гневно. Желание вступать в спор и защищать Мари у него сразу пропало. Лин захватил с собой кусок хлеба и вышел на улицу. Сегодня ему нужно было починить изгородь за домом. До обеда он работал спокойно, даже радуясь, что надоедливая Мари не крутится возле него. Но потом им стало овладевать странное беспокойство, которое переросло в тревогу. Решение пришло мгновенно.

Лин не спеша закончил работу, сложил инструменты на место, зашёл в дом. Там было пусто, только жужжали мухи. Прихватив из кладовой кусок сыра, а на кухне краюху хлеба, он хотел оставить в уплату серебряный медальон Мари – всё, что у него было, но передумал, закинул футляр со скрипкой на плечо и ушёл.

Выйдя за околицу, он остановился в сомнениях. Где искать Мари он не знал, но предположил, что она на реке. В самые грустные минуты она всегда убегала туда. Лин спустился к воде и пошёл вдоль берега. Там он и нашёл её. Девочка сидела в старой лодке, обхватив колени руками, и была настолько погружена в горькие мысли, что даже не заметила, как он подошёл.

– Мари! – тихо позвал он. Она подняла голову.

– Лин! Что ты здесь делаешь? – В глазах ее появился ужас. – Ты уходишь?

– Да, ухожу. Буду пробираться в Южное Королевство.

– Возьми меня с собой! Линушка, дорогой, пожалуйста!

Он покачал головой.

– Дорога будет долгой, через все королевство. Идти придется по лесам и полям, много дней подряд, останавливаясь лишь на ночь.

– Я могу идти долго-долго! – Девочка умоляюще смотрела на него. – И я всегда мечтала побывать где-то, кроме ближайшего города.

– Бродячая жизнь не сахар. Придется обходиться без завтрака, да и без обеда, а часто даже без ужина.

– Мне не привыкать, – равнодушно сказала Мари.

– И без мягкой постели. Ночевать не раз придётся под открытым небом.

Она махнула рукой.

– Я всё равно не вернусь домой.

– И помни, что пока мы в Сангэре, я нарушитель закона, и если попадёмся, то в лучшем случае окажемся в тюрьме, – закончил Лин.

– Здесь хуже тюрьмы. А с тобой я готова идти хоть на край света! – горячо воскликнула Мари, и тут же испуганно взглянула на него – вдруг он опять рассердится.

Но Лин протянул ей руку, и девочка, ещё не веря своему счастью, выпрыгнула из лодки. На её лице появилась робкая улыбка. Лин тихо вздохнул.

О своей минутной слабости Лин пожалел уже к вечеру. Мари шла намного медленнее его, ей чаще требовался отдых. Он прикинул, что вдвоём они будут идти через королевство вдвое дольше, чем он рассчитывал, и это его совсем не обрадовало.

На ночлег остановились прямо в лесу, костер разводить не стали. Лин, по своему обыкновению, устроился прямо на земле, завернувшись в плащ. Мари последовала его примеру, вот только вместо плаща у нее была лишь тонкая шерстяная накидка. Под утро, проснувшись от рассветной прохлады, Лин увидел, что Мари сидит рядом с ним. Протерев глаза, он понял, что девочка дрожит от холода и пытается согреться, пряча руки в рукава. Он позвал её:

– Иди сюда, ложись рядом со мной.

Она помотала головой, и Лин, обидевшись, завернулся в плащ потеплее, и собрался снова уснуть, но сон не шёл. Поворочавшись пару минут, он поднялся, снял плащ и отдал ей.

– А ты? – виновато спросила Мари.

– Я выпался уже. Ложись.

Она завернулась в плащ, ещё хранивший его тепло, и тут же уснула. Лин сел рядом с ней. Голова была тяжёлой от недосыпа, и он с досадой подумал, что идти сегодня будет труднее. Собственно, его поступок был продиктован не жалостью к девочке, а трезвым расчётом: не выспавшись, она быстро устанет, а значит, они потеряют ещё больше времени.

Поёживаясь от холода, он гонял по кругу пустые мысли. Чем кончится их опасное путешествие? Что делать с Мари? И о чём он вообще думал, когда согласился взять её с собой? Запас еды на двоих – всего дня на три. В любом другом королевстве Лин пришёл бы на постоянный двор, сыграл пару песен, и был бы обеспечен ужином, ночлегом и запасом денег. А здесь нужно было держаться подальше не только от постоянных дворов, но и от дороги, где могли оказаться королевские солдаты. Впрочем, встречи с ними Лин боялся не слишком сильно, в конце концов, можно выбросить инструмент в кусты, а там попробуй, докажи, что это его. Скрипку жалко, но жизнь дороже. А вот Мари...

Недавно переживший нападение разбойников, Лин понимал, что защитник из него так себе. Против людей и диких зверей у него был лишь короткий охотничий нож, с которым он управлялся довольно неумело. И если бы на них напали, то, в лучшем случае, он смог бы выиграть немного времени, чтобы она успела убежать. Он взглянул на спящую девочку. Она безмятежно улыбалась во сне, и у юноши защемило сердце. Лин пообещал себе, что обязательно найдёт тех, кто позаботится о ней. Может быть, её приютит какая-нибудь одинокая старушка или примут в монастырский приют... А пока, для безопасности, лучше переодеть её в мужскую одежду и держаться подальше от дороги.

Эти мысли успокоили его. Туман рассеивался. Начинался новый день.

Глава 5

Тот, кто взял её однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей...
(Н. Гумилёв "Волшебная скрипка")

На следующий день, выйдя из леса, путники увидели деревню, раскинувшуюся на холмах. Лин сначала хотел отправить за милостыней Мари, но, взглянув в её перепуганные глаза, отказался от этой затеи. Оставив её вместе со скрипкой в кустах на краю поля, он решительно направился к домам.

Напустив на себя самый несчастный вид, он постучался в ближайший дом. Открыла пожилая женщина. Из-за её спины с любопытством выглядывали трое малышей, по комнате шустро ползал четвёртый. Вскоре Лин уже сидел за столом, и, жадно поглощая горячую похлебку, вдохновенно плёл про то, что идёт в столицу учиться кузнечному ремеслу, но по дороге его ограбили и чуть не убили. Женщина слушала его, время от времени прикрикивая на шумных детишек. Потом спокойно заключила:

– Поговору ты не наш, ты северянин, а значит врёшь. Денег я тебе не дам. Возьми хлеба в дорогу и проваливай.

– И на том спасибо! – ухмыльнулся Лин, и, набравшись наглости, спросил:

– А одежды на подростка лет пятнадцати у вас не найдётся? Я не один, с братом иду, а он так обносился, что и в деревне стыдно показываться.

Женщина кинула на него недоверчивый взгляд, но скрылась за дверью и вынесла вполне крепкие ещё штаны и рубаху. Лин рассыпался в благодарностях, а женщина тем временем собрала в узелок еды: луковицу, кусок хлеба.

– Брату передашь, – сказала она, глядя на него, как показалось Лину, чуть насмешливо. Он в последний раз поблагодарил её и откланялся.

Мари ждала его там же, в кустах. По её виду было понятно, что она уже не верила, что он вернется. Лин кинул ей одежду и приказал:

– Переодевайся.

– Зачем? – удивленно спросила она.

– Меньше внимания привлекать будешь. Давай быстрее.

– Ну, ты хоть отвернись! – гневно воскликнула девочка.

Он возмущённо закатил глаза, но отвернулся. Она долго возилась у него за спиной и, наконец, жалобно вздохнула:

– Большое очень.

Лин повернулся и с трудом сдержал смех. Штаны и рубаха висели на тощенькой фигурке девочки, как на огородном пугале. Он закусил губу, чтобы не улыбаться, подошёл к ней и принялся закатывать рукава и подгибать штанины. Пояс снял со своей нижней рубахи. Волосы она собрала в хвост и спрятала под ворот. В целом получилось неплохо, вполне подходяще для беспризорного мальчишки.

– Хороший мальчик, – улыбнулся он.

Мари обиженно посмотрела на него, но промолчала.

Лин сидел у костра и мрачно смотрел в огонь. Дни пролетали слишком быстро, ночи становились всё холоднее, а горы, за которыми начиналось Южное Королевство, были всё так же далеки.

Пытаясь отвлечься от грустных мыслей, он достал скрипку, осмотрел её, пару раз провёл смычком по струнам, но получившийся звук казался слишком громким и резким в лесной тишине. Лин с сожалением убрал инструмент обратно в чехол. Тихий голос Мари вывел его из раздумий:

– А ты знаешь, почему в Сангэре запрещена музыка?

– Ну да, что-то слышал, какая-то история с королевской дочерью.

– Да... Много лет назад на Рождество король и королева с дочкой гуляли по городской площади. Разбойники, переодетые бродячими музыкантами, украли маленькую принцессу и потребовали за неё выкуп. Король пообещал, что даст выкуп, но на самом деле заманил разбойников в ловушку. Их всех перебили, но девочки с ними не оказалось. Тогда король приказал убить всех музыкантов в стране и разбить все музыкальные инструменты. Так Сангэр стал Королевством Тишины...

Лин долго молчал, потом ответил только чтобы что-нибудь сказать:

– Да, чего только не сделаешь в припадке гнева.

– Гнева? – удивилась Мари. – Может быть, горя? Представляешь, единственная дочь пропала!

– Мне нет никакого дела до их горя! – раздражённо бросил Лин, и вновь погрузился в мрачные раздумья.

Лин был сыном кузнеца. Третьим сыном, после двух старших братьев, и не очень-то любимым. Отец благоволил старшему сыну, красавцу, отличавшемуся недюжинной силой и умом. Мать любила среднего, спокойного и рассудительного, помощника во всех делах. Девчонок в их семье не считали, сколько их родилось и умерло – наверное, даже мать не сразу бы ответила.

Лин не отличался ни умом, ни силой, да и красавцем его назвать было нельзя. Он был худой и длинный, черты его лица удивительным образом сочетали в себе нечто отталкивающее, и, вместе с тем, притягательное. Мальчик рос молчаливым, неприветливым. Казалось, что в жизни его ничего не интересует. Лет с десяти он помогал отцу в кузнице и стал бы, как и он, кузнецом, если бы не один случай.

Однажды через их деревню шли бродячие музыканты. С ними был слепой старик скрипач, который внезапно заболел и не смог идти дальше. Добросердечная мать Лина приютила старика и заботилась о нем, но он, всё же, вскоре умер. От него осталась скрипка, отличный инструмент работы городского мастера. Отец собирался её продать, чтобы вернуть деньги, потраченные на лечение, а потом похороны старика, но Лин, повинаясь неясному порыву, спрятал скрипку, и вскоре отец в суете о ней забыл. Так скрипка оказалась у мальчика.

Оставшись дома один, он иногда доставал её, разглядывал изящную форму, водил смычком по струнам. У него ничего не получалось, скрипка визжала, как поросенок, и он разочарованно убрал её обратно. На ярмарках он стал с интересом приглядываться, как же играют скрипачи, внимательно слушал и запоминал мелодии. Так музыка начала завладевать им. В голове теснились мотивы, слышанные им раньше, и его собственные. Музыка слышалась ему даже в ударах молота о наковальню в отцовской кузнице. Однажды он вновь попробовал извлечь из скрипки звук, и у него, к огромному удивлению, получилось, а потом стало удаваться всё лучше и лучше.

Отец, как-то застав его за игрой, хотел разбить скрипку, но ограничился поркой непутёвого сына. Инструмент отобрал, но Лин выкрал его при первой возможности. А когда ему исполнилось шестнадцать, и его, как младшего и ни к чему не годного, решили женить на дочери мельника, толстой, неряшливой, глупой девке, он попросту сбежал из дома с трупой бродячих музыкантов. Они, переходя из селения в селение, несли с собой дух вечного праздника, свободы, дальних странствий и тем скрашивали тяжёлую жизнь сурового Северного Королевства.

Скрипач, невзрачный человек с грустными глазами и огромным талантом, учил юношу не просто играть, а разговаривать с сердцами людей с помощью струн и смычка. Спустя год, услышав, как Лин играет подслушанную в окне богатого дома мелодию, учитель сказал:

– Ты превзошёл меня, больше я ничему не могу тебя научить.

С тех пор Лин странствовал один, лишь изредка прибываясь к какой-нибудь компании таких же, как он, бродяг. Больше всего на свете он любил щемящее чувство одиночества среди пустынных полей и холмов, когда, кажется, разбежался бы и полетел над землёй, глядя сверху на проплывающие внизу леса, реки, озёра...

Глава 6

Время шло, и каждый день затянувшегося странствия казался Лину ещё тяжелее и мрачнее предыдущего. Необходимость заботиться о ком-то, кроме себя, изводила его.

– Навязалась же ты на мою голову, – сквозь зубы цедил он, не особо заботясь о том, что Мари его слышит.

Тёплой одежды для неё достать пока не удалось. Спать рядом с ним под его плащом она отказывалась, стеснялась. Приходилось каждый вечер тратить время на разведение костра и спать по очереди. Сначала он поддерживал огонь, потом, когда начинал засыпать, будил её, и уже она подкидывала хворост в костер, ёжась в предрассветном тумане.

Поначалу Мари пыталась разговаривать с ним, но он резко ее обрывал, напоминая, что нужно беречь силы. Идти молча ей было скучно, и она постоянно что-то напевала, чем страшно раздражала Лина, у которого в голове непрестанно вертелась собственная музыка. Еды он уделял ей вдвое меньше, чем себе, считая, что такому цыпленку много не нужно. Она не протестовала, наоборот, успевала где-то насобирать поздних ягод или яблок, и всё это тащила ему. Он принимал её приношения без особой благодарности.

Усталость от долгого изнурительного путешествия, постоянный страх за собственную жизнь изматывали Лина всё сильнее. Он срывался, кричал на неё, чем доводил до слёз. Мари стала бояться его, старалась быть незаметной, шла молча, немного отставая, а на коротких привалах тревожно заглядывала ему в глаза, и это злило его ещё больше.

Вскоре ко всем бедам присоединилась ещё одна – у девочки совершенно прохудилась обувь, и идти через лес и по скошенной траве ей стало тяжело. Пришлось вернуться на дорогу, хоть это и было опасно. Переодетая мальчишкой, осунувшаяся и грязная Мари растеряла остатки девичьей привлекательности. Зато двое оборванных юношей были ничем не примечательны среди таких же, как они, беженцев, бредущих из Северного Королевства. Тем временем сухая и тёплая погода закончилась, начались дожди.

Река после прошедших ливней вздулась, и где здесь брод было совершенно непонятно. Поток мутной воды мчался с рёвом, свиваясь в водовороты. Лин, злой, как чёрт, ходил по берегу и бесился от бессилия. Он понимал, что Мари не перейти реку самой, но и тащить её на руках вместе со скрипкой и дорожным мешком ему казалось непосильным. Идти дважды

тоже было слишком опасно. Он проклинал всё на свете: и эту реку, и дожди прошедшие так не вовремя, и эту глупую, беспомощную девчонку, ставшую для него обузой.

Мари безучастно сидела на берегу. Она уже привыкла к тому, что Лин злится и срывает на ней свое раздражение.

– Ну что ты сидишь? Что делать будем? – взорвался Лин. – Мне не перенести тебя и вещи одновременно.

– Может быть, ты вернёшься за мной? – робко спросила она.

– Я не пойду два раза через эту чёртову реку! – заорал он. – Я и один-то раз не знаю, как перейти.

Она уткнулась лицом в колени.

– Овца! – прошипел он злобно, и, схватив вещи, решительно вошёл в реку. Вскоре ему пришлось поднять скрипку высоко над головой, течение сбивало с ног, вода плескалась в лицо. Задержав дыхание, он с усилием протолкнулся вперёд, и дно, наконец, начало подниматься. Выбравшись на берег, он устало опустился на землю и с ужасом увидел, что Мари тоже вошла в воду и медленно идёт в его сторону.

– Стой! – заорал Лин. – Стой, дура!

Но она как будто не слышала его, и продолжала идти. Даже издали он видел её лицо, совершенно отчаянное и обречённое.

– Стой! – в последний раз бешено заорал он, кидаясь в воду, и в следующую секунду волна накрыла её с головой.

Собственно, на этом месте история Мари должна была закончиться, но Лин, бросившийся через реку вплавь успел схватить её за волосы и вытащить на поверхность. Там где её скрывало, он ещё уверенно доставал до дна. Он выволок её на берег. Мари задыхалась и откашливалась, из глаз лились слёзы. Наконец, отдышавшись, она повернулась к нему:

– Зачем ты это сделал? – плача спросила она.

– Дура ты, вот зачем, – у него не было сил злиться. – Что мне теперь с тобой делать?

Вещи лежали на том берегу, они снова оказались на противоположном.

– Уходи, – тихо проговорила она. – Уходи. Я не пойду больше в воду. Не надо больше меня спасать.

Лин сидел совершенно опустошённый. Он понимал, что оставить её здесь не может. В тот момент, когда она ушла под воду, он испытал дикий страх за неё и сейчас размышлял,

что крылось за ним – просто жалость, или всё же привязанность к этой странной девочке. Отдохнув, он решительно поднялся, подхватил её, перекинул через плечо и понёс.

– Отпусти! – Мари попыталась вырваться, но Лин держал её крепко.

– Молчи, дурочка, – сказал он устало. – Иначе скину в воду.

– Отпусти! Я умею плавать! Я выросла на берегу реки!

– А что ж ты тогда топить-то решила? Тебя течением смоем. Молчи и держись.

Как ни странно, второй переход дался Лину легче, он нашёл верный путь и вышел на более высокое место. Он опустил Мари на берег и пошёл подбирать вещи. Когда вернулся, она сидела на том же месте, мокрая, продрогшая, и стучала зубами. Лин протянул ей руку:

– Пойдём. Согреешься на ходу.

Мари поднялась, и они продолжили путь.

Но согреться и обсохнуть у них не получилось. Вскоре начался дождь, который не давал путникам ни малейшей передышки. К вечеру стало понятно, что Мари заболела. Она постоянно чихала, щёки покраснели, глаза лихорадочно блестели.

Лин понимал, что ей тяжело идти, но всё равно злился на неё, и шёл всё быстрее. Мари изо всех сил старалась не отставать от него.

– Если бы не она, я был бы уже далеко, – думал он тоскливо. А ливень всё не прекращался, и укрыться всё так же было негде. Больше всего он переживал за скрипку. Кожаный футляр, конечно, какое-то время защищал от воды, но не под таким ливнем.

– Тысячу раз уже пожалел, что взял тебя с собой, – бормотал он. – Бросил бы прямо здесь.

Мари делала вид, что ничего не слышит, но понемногу начала отставать, и когда он в очередной раз раздражённо обернулся, чтобы поторопить её, увидел, что по лицу девочки катятся слёзы вперемешку с каплями дождя. Лину стало стыдно. Он остановился, дождался пока она подойдёт. Мари стояла перед ним с низко опущенной головой, мокрая, жалкая. Лин вздохнул.

– Ну, что мне с тобой делать? – почти нежно сказал он и осторожно подхватил её на руки. Она уткнулась ему в плечо и заплакала горько, бессильно.

– Ну, не плачь, не надо, пожалуйста, и так мокро, – попытался пошутить Лин.

– Оставь меня, – тихо сказала она. – Оставь. Это я во всем виновата.

Он ничего не ответил.

Идти по раскисшей дороге было тяжело. Лин несколько раз поскользнулся, и выдохся уже через сотню шагов, но упрямо нёс её на руках. Она затихла, только время от времени всхлипывала и осторожно гладила его по плечу. Он продолжал идти через силу. Шаг, ещё шаг, только не останавливаться... Мешок за спиной и скрипка в намокшем чехле оттягивали плечи. И когда он уже вконец выбился из сил, вдалеке показались огни.

Глава 7

Уже в полной тьме Лин и Мари добрались до маленькой деревни. В первый дом их не пустили, во второй тоже. В третьем отмахнулись, как от чумных. В предпоследнем махнули рукой на последний:

– Идите к Долорес.

Без всякой надежды Лин постучался в дверь последней, низкой, небогатой лачуги. Дверь открыли сразу, как будто их ждали. Женщина в тёмной одежде жестом пригласила их войти.

В доме было сухо, тепло, уютно, горел очаг, а над ним сушились пучки трав и кореньев. Лин понял, что это жилище знахарки и с облегчением опустил почти бесчувственную Мари на пол у огня.

– Это моя сестра, она заболела, – торопливо начал объяснять он. Женщина кивнула и вышла, вернувшись с сухой одеждой. Вместе они переодели девочку, при этом Долорес пристально наблюдала за тем, как он касается её тела. Потом она дала Мари какое-то снадобье и принесла одежду для Лина.

Переодетая в сухое, Мари крепко спала. Долорес поставила на стол еду в глиняных мисках, села и испытующе посмотрела юноше в глаза. В отсветах огня её лицо казалось таинственным, загадочным.

– Она ведь тебе не сестра, – уверенно сказала женщина.

Лин смутился и отвёл глаза. Знахарка, убедившись в своей правоте, удовлетворённо кивнула.

Он сбивчиво рассказал ей историю Мари, умолчав лишь о своём отношении к ней. Женщина задумалась, потом предложила:

– Оставь её у меня. Я её вылечу, будет мне помощницей.

Ещё вчера Лин такому повороту обрадовался бы несказанно, и с лёгким сердцем ушёл. Но что-то неумовимо изменилось в нем, пока он нёс Мари на руках под дождём.

– Нет, – решительно сказал он, – я подожду, пока она выздоровеет. И если она сама не захочет остаться, мы уйдём вместе.

Женщина вновь пристально посмотрела на него.

– Это правильный выбор! – одобчительно сказала она. – Иначе за твою жизнь я бы и гроша ломаного не дала.

И ушла, оставив Лина размышлять над её последними словами.

Лин сидел на крыльце и тупо смотрел в стену. В мире что-то сломалось, что-то было неправильно настолько, что даже дышать не хотелось.

Там, за стеной, знахарка третий день билась над мечущейся в жару Мари, но лучше девочке не становилось. В доме остро пахло лекарственными травами. Долорес применила всё своё искусство, готовила отвар за отваром, в ход пошли мази, припарки, компрессы, но ничего не помогало. Наконец, женщина вышла к нему.

– Она не хочет жить. Моё лечение здесь бессильно, – врачевательница развела руками.

– Что же делать? – Лин до крови закусил губу.

– Скажи, что ей стоит жить. Уговори её.

– Но ведь она без сознания. Она меня не услышит...

– Услышит. Смотря, как скажешь. Если искренне, то обязательно услышит.

Закуток, где лежала Мари, был отделен от комнаты полотняной занавеской. Лин вошёл туда и сел на узкую лежанку рядом с девочкой. Коснулся её лба – он был очень горячим, дыхание – хриплым и прерывистым, лицо заострилось, губы пересохли. Лин растерянно смотрел на неё. Он не знал, что говорить, и как разговаривать с ней, если она без сознания. Нужно, чтобы она снова захотела жить. А жить она не хочет, потому что никому не нужна. И ему не нужна. Была не нужна...

Только сейчас Лин осознал, как был жесток, как был неправ. Он мучительно жалел, что не сумел сразу разглядеть в этой девочке огромное сердце, полное любви, подаренной ему без остатка. Любви, которую он совершенно не заслужил. Любви, которую она продолжала дарить ему, даже когда он её отверг: ненавязчиво, незаметно, с достоинством, уступая ему в спорах, прощая обиды, отказываясь от лучшего куска и места у огня. Никто никогда его так не любил. А он не замечал этого, и только сейчас понял и ужаснулся, насколько был слеп. Ему стало нестерпимо больно и стыдно. Если бы сейчас можно было повернуть время вспять, он всю

дорогу нёс бы её на руках. Не съел бы ни кусочка, не поделившись с ней. Ни разу не сказал бы ей грубого слова.

Лин осторожно взял её горячую руку.

– Мари... – тихо позвал он. – Мари, не уходи, пожалуйста. Не умирай. Тебе нужно жить. Ты такая юная, такая красивая. Пожалуйста, живи!

На глаза его навернулись слёзы. Он прижал её руку к губам. Молчать было страшно. Казалось, она на глазах уходит, тает. Он торопливо зашептал:

– Мари! Ты нужна мне. Я не смогу без тебя. Я... Я люблю тебя!

Он повторил эти слова, наверное, тысячу раз, обливаясь слезами, запоздало сожалея о своем бессердечии. И не заметил, в какой момент её дыхание вдруг стало ровным и чистым, лицо разгладилось. Жар спадал. Он принёс воды, обтер её лицо, смочил губы, положил влажную повязку на лоб. Мари вздохнула, повернулась на бок и заснула спокойным сном. Лин не отходил от неё всю ночь, и лишь на рассвете ненадолго задремал на полу рядом с лежанкой.

Утром она проснулась и ещё сквозь сон улыбнулась ему, он улыбнулся в ответ. Внезапно глаза её погрузнели, улыбка сошла с лица.

– Мне снилось что-то такое прекрасное, что я никак не могла проснуться... – сказала она задумчиво. – Но это всего лишь сон.

Она повернула голову, рассматривая комнату, в которой лежала. Лину показалось, что в её глазах заблестели слёзы. Он осторожно взял её за руку.

– А вдруг это был не сон? – спросил он.

Мари перевела взгляд на него.

– Нет, этого не может быть, – она грустно улыбнулась. – Я поняла, что любовь это дар, её нельзя заслужить.

Две слезинки выкатились из уголков её глаз и оставили мокрые дорожки на висках. Лин ужаснулся безнадежности в её взгляде. И тут же с удивлением заметил перемену в ней. Перед ним лежала уже не девочка, девушка, очень грустная, несказанно красивая и бесконечно ему дорогая.

ЧАСТЬ 2

Лин

Глава 8

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.
(Р. Бернс)

Они впервые шли рядом. Он не спешил вперёд, примериваясь к её шагу.

В воздухе пахло приближающейся осенью, горьким дымом, вянущими травами. Было так хорошо, что хотелось петь, но оба молчали, понимая друг друга без слов. Он посмотрел на неё, и она подняла на него счастливый взгляд. Руки их внезапно встретились в воздухе, сплелись, и больше уже не разлучались.

Горы были совсем близко, и к вечеру они должны были их достичь. Остановились лишь ненадолго у ручья, наполнили фляги водой. Мари сидела на берегу, Лин положил голову ей на колени, и она ласково перебирала его длинные кудри. Он смотрел на небо, по которому плыли редкие облачка. Уже пора было идти, но ему не хотелось, чтобы эти минуты заканчивались, и только далёкий гром заставил его подняться. Лин тревожно посмотрел на приближающиеся тучи, на тёмные горы и заключил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.